**Для цитирования**: Нехамкин В. А. Неклассические модели общественной динамики в социальном познании XX — начала XXI вв.: итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2020. № 3 (83). С. 18—29. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-18-29.

**DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-18-29**

УДК 167.7

# НЕКЛАССИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИНАМИКИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ XX — НАЧАЛА XXI вв.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

***Нехамкин Валерий Аркадьевич,***
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 119602,
г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

*Аннотация*

**Введение**. Статья посвящена теоретико-методологическому анализу ряда возникших на базе неклассической науки моделей общественной динамики. Это «вызов — ответ», самоорганизация, цикл фазовых переходов «рождение— жизнь — гибель», «зонная модель». Выявляется эвристический потенциал каждой модели, ее сильные и слабые стороны в методологическом плане.

**Цель**. Рассмотреть возникшие на базе неклассической науки в социальном познании модели общественной динамики, выявить их методологические основания; сопоставить между собой данные теоретические конструкции. Осуществить теоретико-методологическое совершенствование данных конструкций.

**Методы**. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: моделирование, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ.

**Научная новизна исследования**. Прослежена эволюция формирования изучаемых моделей в рамках социального познания, показаны гносеологические основы их возникновения. В модели «вызов — ответ» выявлены ее базовые положения, произведена классификация источников, порождающих исторические «вызовы» и субъектов, формирующих на них «ответы». Отмечено, что модель самоорганизации возникла гораздо раньше XX в., но только появление системного подхода и синергетики придало ей необходимый теоретический уровень. Выявлены позитивные стороны и ограниченность модели самоорганизации применительно к социальному познанию. Установлена полная структура «зонной модели» в социальном познании, которая включает следующие элементы: центр, середину, промежуточное пространство, периферию. Показаны модификации данной модели в рамках миросистемного подхода и иных социальных теориях.

**Результаты**. В работе демонстрируется, что в отношении каждой изучаемой модели сначала накапливался эмпирический материал, а лишь потом, позднее, происходило его теоретическое обобщение на базе неклассической науки. Показано, что главная заслуга миросистемного анализа — создание «зонной» модели социальной динамики. Установлено, что зонная модель в максимальной степени включает иные теоретические конструкции: «вызов — ответ», самоорганизации, цикла фазовых переходов «рождение — жизнь — гибель». Допускается, что в дальнейшем теоретические подходы в гуманитарных науках станут еще более склонными к включению в себя новых методологических средств.

**Выводы**. Обнаружена преемственность средств познания между различными неклассическими моделями социальной динамики. Показаны отдельные этапы эволюции данных моделей. Констатируется, что в рамках неклассической методологии социального познания находится место и подходам, порожденным классической наукой (например, допущению о линейности как способе развития социума).

*Ключевые понятия*:
классическая наука,
неклассическая наука,
модели общественной динамики,
неклассические модели общественной динамики.

Социальное познание испытывало на себе влияние науки, ее сменяющихся типов. Для классической науки были характерны такие признаки, как линейность, суммативизм («ориентация на сведение сложного к простому с последующей реконструкцией комплексного как агрегата элементарных частей»), динамизм (установка на понимание и описание наукой окружающего мира как жестко детерминированного, где нет места дополнительности, случайности, а значит, вариабельности, альтернативности), механицизм (преувеличение возможностей механики как способа миропонимания, рассмотрение мира и человека как особых типов «машин»), законосообразность (поиск управляющих развитием действительности законов), каузальность (все в мире связано естественными причинами) [27, с. 84—85]. Отражением подобных установок в социальном познании явились многие теоретические конструкции. Например, материалистическое понимание истории (К. Маркс, Ф. Энгельс). Здесь исторический процесс делился на ряд линейно сменяющих друг друга фаз (формаций), их следование друг за другом представляло выражение социального прогресса, в рамках каждой формации выделялась жесткая структура «базис — надстройка» (с первичностью первого) и т. д. В похожем методологическом ключе рассуждали и работавшие в рамках позитивизма социологи XIX — первой половины XX в., особенно Л. Гумплович. Они акцентировали внимание на необходимости открытия законов общественного развития, прогнозирования с их помощью социальной динамики [7, с. 123].

В неклассической науке, формирующейся с начала XX в. и во второй его половине переходящей в фазу нео(пост-)неклассической изменяются принципы познания. Линейность сменяется нелинейностью, т. е. поиском иных форм взаимодействия объектов, опирающемся на множественность связей между ними. Обусловленное динамизмом противопоставление концепций — их дополнительностью друг друга. Поиск жестких законов социального бытия заменяется либо отказом от данной категории совсем, либо фиксацией отдельных повторяющихся связей, т. е. закономерностей. Возникают междисциплинарные направления (системный подход, синергетика), распространяющие свои модели познания в естественные и гуманитарные дисциплины. На замену суммативизму приходит системность, когда целое в системе рассматривается как содержащее универсальные признаки, отсутствующие в ее элементах (подсистемах). Отсюда неклассическая наука придает познанию следующие признаки: полифундаментальность, синергизм, дополнительность, интегрализм, релятивизм, нелинейность и т. д. [27, с. 107—116].

Конечно, не стоит думать, что смена методологии классической науки на неклассическую произошла в социальном познании XX в. одномоментно. Так, здесь длительный период сохранялось влияние позитивизма. Отдельные ученые (подобно В. Вундту и К. Брейзингу) продолжали искать и находили многочисленные «законы» общественного развития [См.: 26, с. 144—157]. Далеко не все мыслители отказались от порожденной классической наукой идеи социального прогресса. Нельзя сказать, что характеристики классической науки и стоящие за ними средства исследования полностью «ушли» из методологии изучения общества.

Однако неклассическая наука постепенно проникала в социальное познание, породив здесь интересные теоретические конструкции. Рассмотрению их становления, предлагаемой методологии, эвристического потенциала, возможностей применения для изучения человека и социума посвящена настоящая работа. Причем нами избраны модели, методология которых послужила основой для многих конкретных исследований, т. е. ставшие своеобразными парадигмами в общественном познании.

### Модель «вызов — ответ»

Модель «вызов — ответ» (точнее «вызови-ответ»), ее положения сформулированы А. Тойнби. Источники появления данной конструкции (кроме собственно исторической науки) разнообразны. Это психология, ее бихевиористская концепция (действия по схеме стимул—реакция), синтез истории и географии — географический детерминизм (изучавший взаимодействие элементов системы «внешняя среда — общество»); цивилизационный подход (по А. Тойнби, механизм работает для объяснения становления отдельных цивилизаций).

Неклассичность модели «вызов — ответ» проявляется по разным основаниям. Это отказ «обнаружить <...> всеобщий закон», необходимость ее применения исключительно к каждой цивилизации [24, с. 113]. Кроме того, признание принципиального плюрализма генезиса цивилизаций: он «кроется не в единственном факторе, а в комбинации нескольких» [24, с. 107]. Наконец, активное использование метафор при классификации

вызовов. Так, необходимость осваивать крупные водные бассейны (например, для обителей островов) названа А. Тойнби «вызовом Посейдона» [24, с. 118], выделяются вызовы «бесплодной земли», «новой земли» и т. п. категории [24, с. 120].

На мой взгляд, общая познавательная схема модели «вызов — ответ» следующая. Вызовы как проблемы приходят либо из природной, либо из социальной (внутренней или внешней) среды. Ответы дает конкретный социум. Например, в долине реки Нила ответ — появление Египетской цивилизации, Тигра и Евфрата — Шумерской [24, с. 113]. Ответ надо дать в какой-либо форме: улучшения управленческой системы, перестройки армии, освоения какой-то территории, создания государства и т. д. Здесь А. Тойнби все-таки видит закономерность: «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» [24, с. 119—120].

В данном пункте теорию «вызов — ответ» следует дополнить: А. Тойнби говорит об «ответах» на непосредственные «вызовы», без которых невозможно актуальное существование социума. Отсутствие «ответов» на приходящие «вызовы» (даже отстроченные во времени) тоже опасно. Например, Киевская Русь с X по XII в. успешно отбивала атаки степных народов: печенегов, половцев и других. При этом, несмотря на отдельные поражения, противнику давался «ответ»: совершенствовались вооруженные силы, строились крепости и иные укрепления, предпринимались превентивные походы в Степь (особенно при правителе Владимире Мономахе). В XIII в. уровень социальной организации изменяется, начинается раздробленность страны. В случае объединения бывших Киевских княжеств (как полагал В. Т. Пашуто) они могли бы выставить до 100 тыс. воинов [9, с. 23], но этого не произошло даже после проигранного монголам русскими князьями сражения при Калке (1223 г.). На «вызов» было некому дать «ответ» (хотя на это имелось примерно 14 лет, до 1237 г.), территории бывшей Киевской Руси оказались завоеваны войсками хана Батыя.

Интересны и исторические субъекты, дающие «ответы» на вызов. Это особая социальная группа: «творческое меньшинство» [24, с. 259], обладающая высоким интеллектом. Здесь особо выделяются «сильные личности» («гении», «сверхлюди») [24, с. 260]. Через коллективный опыт они и приобщают к своим открытиям подавляющее большинство населения, которое А. Тойнби именует «инертной массой» [24, с. 260].

Откуда приходит вызов? Каковы его источники? Предложим их классификацию. Один источник — космическое пространство. Как полагает Л. Н. Гумилев, Земля в отдельные периоды ее истории «получает из космоса больше энергии, нежели необходимо для поддержания равновесия биосферы, что ведет к эксцессам, порождающим <...> среди людей <...> пассионарные толчки или взрывы этногенеза». Приняв такую энергию, этнос становится пассионарным, т. е. «обладает способностью к целенаправленным сверхнапряжениям». В нем появляются особые люди, пассионарии, которые вопреки инстинкту самосохранения «совершают <...> поступки, ведущие к изменению их окружения». «Психика отдельной особи лишь трансформирует на своем уровне импульсы, стимулирующие повышенную активность носителей пассионарности» [5, с. 319].

Второй источник «вызова» — внутренние проблемы данного социума. Например, крупнейшие европейские державы начала XX в. (Российская, Австро-Венгерская, Германская империи), несмотря на существенные отличия, не пережили Мировую войну 1914—1918 г. в силу определенных слабостей в экономической, национальной, военной и т. д. организации. Показательно, что даже учеными того периода (не говоря о политиках) «ответ» мыслился как силовое ограничение «соседа», а не собственная трансформация. В качестве примера приведем высказывание Л. Гумпловича: «Если удастся втиснуть Россию в ее естественные границы (лишив ряда территорий — *В. Н.*), — тогда ничто больше не задержит победного шествия демократии в Европе и развития ее к социализму» [6, с. 48]. И хотя Л. Гумплович отвергал войны как средство решения социальных проблем, не ясно, как можно мирным путем «втиснуть Россию в ее естественные границы».

Третий источник «вызова» — Другой, иной социальный субъект (народ, государство, цивилизация и т. д.). Само его существование — угроза сложившемуся порядку. А.С. Панарин пишет: «...США бросили вызов — ибо однополярный мир означает *вызов* любому по-настоящему суверенному государству... Сценарии глобального политического прогнозирования <...> должны будут раскрывать <...> разнообразные формы возможного *ответа* на этот *вызов*» [18, с. 17—18]. При таком подходе проявляются

два главных варианта ответа на вызов: либо «физическое» уничтожение оппонента [28, с. 444], либо отказ от сотрудничества с ним.

Перейдем к гносеологии. Что такое «вызов — ответ» — способ объяснения социальной действительности, или «понятие-метафора» (Л. И. Новикова) [11, с. 23]? Прежде всего данная модель задает схему становления социальной реальности. Выделим ее элементы: инициатор вызова (страна, группа, природная система и т. д.); объект (на который инициатор воздействует); разработчики «ответа»; типы реакции на вызов (от бинарного в стиле «или живем, или гибнем» до многовариантного). Важный элемент взаимодействия в системе «инициатор — объект вызова» — индивидуальное и коллективное сознание. Оно (в лице принадлежащих к элите немногочисленных разработчиков «ответа») должно осмыслить «вызов» и выработать варианты реагирования на него. На этом теоретическая часть модели «вызов — ответ» завершается.

Далее требуется прикладная (о которой А. Тойнби пишет мало). Остальное население надо: а) принудить к реализации именно такого «ответа» (ибо это часто идет в разрез с устоявшимися нормами поведения); б) проверить избранный вариант ответа «практикой» на пригодность; в) корректировать данную систему действий в деталях или полностью при соприкосновении с реальностью. Степень адекватности «ответа» оценивается по конечному результату. Как отмечает Л. И. Новикова, «пока данная цивилизация не исчерпала себя полностью, она обладает механизмом и свойственным ей типом «ответов» на «вызов» истории, обеспечивающим восстановление разрушенной стабильности» [11, с. 23]. Однако возможна и ситуация, описанная С. А. Королевым. Когда, например, элита «знает что делать, но не знает как» [11, с. 16]. И тогда адекватного ответа на вызов нет. Так, в конце XII — начале XIII вв. не только отдельные правители-князья, но и безымянный для нас автор «Слова о полку Игореве» понимали, что Руси нужно вернуть утраченное ранее государственное единство перед угрозой Степи. Способа же решения задачи найдено не было, и скоординированного «ответа» вторжению войска монголов не последовало.

В целом механизм «вызов — ответ» как результат становления неклассической методологии в социальном познании довольно интересен, хотя и не во всем разработан. Он применим для объяснения взаимодействия в системе «природа — общество», так и внутри социума. Однако, на мой взгляд, создать на его основе полноценную познавательную модель с разработанным категориальным аппаратом и методологией, пока не получилось. Отсюда часто механизм «вызов — ответ» выступает как вспомогательное средство объяснения социальной динамики.

### Модель самоорганизации в социальном познании

В настоящее время термин «самоорганизация» принято связывать с кибернетикой, системным подходом, синергетикой и ее методологией. Его содержание предполагает следующие толкования: 1) процесс самопроизвольного формирования регулярных структур в системах; 2) поддержание (воспроизводство) системой имеющегося у нее уровня организованности (порядка) и /или его усиление [12, с. 152].

На самом деле о данном эффекте относительно общества знали гораздо раньше его теоретического обобщения в XX в. и в теории, и на практике. Так, концепция общественного договора Т. Гоббса (XVII в.) предполагает добровольное согласие людей на передачу части своих суверенных прав государству. Этому предшествует характеризующееся «войной всех против всех» естественное состояние, когда у индивидов была полная свобода, вызванная равенством их суверенных прав. В силу перманентного хаоса и угрозы личной безопасности, неопределенности будущего люди отказываются от подобного образа жизни. Т. Гоббс полагал, что при заключении общественного договора каждый его участник дает следующее обещание: «Отрекаюсь от своего права владеть собой и отдаю это право такому-то мужу или такому-то собранию мужей, если ты также отдаешь им свое право и так же, как я, уполномочишь их на все и признаешь их действия своими. Когда же так станется, называют множество, таким образом объединенное в одну особую общность, общину, государство, по-латыни civitas. Так родился этот великий Левиафан» [Цит. по: 10, с. 383].

Почти по сходной с изложенной Т. Гоббсом схеме (если верить «Повести временных лет», далее — ПВЛ) происходило призвание на Русь варяжского князя Рюрика (IX в.). Сначала варяги взимали дань с чуди, славян, кривичей, но потом племена объединились и изгнали чужаков (самоорганизация № 1). Однако сразу возникли проблемы. «...И начали сами собой владеть. И не стало среди них правды, и встал род

на род, и были меж ними усобицы...» [23, с. 46]. Перед нами почти описание «естественного состояния» Т. Гоббса, «войны всех против всех». Далее, устав от столкновений друг с другом, местные племена (видимо, в лице их политической элиты, ПВЛ это не поясняет) начинают искать стороннего князя, «который управлял бы нами и судил по праву» [23, с. 46—47], а не в интересах одной из борющихся групп. (Это — самоорганизация № 2). Фактически нужен независимый «арбитр». В итоге данные народы находят среди варягов племя Русь и говорят его представителям: «Земля наша велика и обильна, а наряда (порядка — *В. Н.*) в ней нет. Приходите княжить и управлять нами» [23, с. 47]. Сначала на историческую сцену выходят три брата (Рюрик, Синевус, Трувор, занимая с дружинами ряд территорий), из которых вскоре остается один: Рюрик (самоорганизация № 3). «И от тех варягов прозвалась Русская земля» [23, с. 47]. «Порядок» в обществе воспроизводится через «хаос», образуется государство путем своеобразного «договора» иностранной и местной элиты — с одной стороны и остального населения, принявшего нового правителя, — с другой.

Кроме этого, довольно «легендарного» эпизода отечественной социальной самоорганизации есть и реальный пример. К 1610 г. Московская Русь как государство фактически распалось перед лицом кризиса легитимности власти, иностранной интервенции, гражданской войны. С. Ф. Платонов описывает произошедшее, тогдашнюю «войну всех против всех»: «По всей стране бродят казаки, везде грабят и жгут, опустошают и убивают... Северо-западная часть государства находится в руках шведов... Москва занята польским гарнизоном, вся московская администрация — под польским влиянием. Король враждебного государства, Сигизмунд, из-под Смоленска распоряжается Русью своим именем, как государь...» [19, с. 302]. Однако вдалеке от оккупированной врагом столицы, в Нижнем Новгороде, самоорганизовалось на самостоятельно собранные людьми деньги ополчение под руководством представителей разных социальных слоев (мещанина и князя) К. М. Минина и Д. И. Пожарского, которое освободило Москву. В столице проведен Земский Собор. В его состав, согласно грамоте Д. И. Пожарского от 15 ноября 1612 г., вошло 700 делегатов (по десять человек выборных от каждого из 50 городов, 200 человек — от столицы Москвы) [19, с. 317]. Собором новым царем избран Михаил Романов (преодолен кризис легитимности, который «разрывал» страну с 1598 г.). Остальная часть населения (включая крестьян, представителей которых не пригласили на Земский Собор) такому выбору постепенно подчинилась. Московское государство путем столь своеобразного «общественного договора» возобновило свое существование, или, говоря современным языком, «перезапустилось». Следовательно, процесс самоорганизации имел место в социальной жизни (практика) и осмыслялся общественным познанием задолго до появления неклассической науки (теория общественного договора).

Наконец, на эмпирическом уровне было ясно, что для государств в их истории сменяют друг друга периоды беспорядка (хаоса) и упорядоченности. Данную закономерность в XVI в. вывел Н. Макиавелли: «Переживая беспрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку» [14, с. 175]. Значит, у Н. Макиавелли тоже присутствует самовоспроизводящаяся схема «порядок — хаос — порядок».

В итоге еще до начала теоретического осмысления процесса самоорганизации на эмпирическом уровне было ясно, что: 1) в становлении государств сменяются периоды соотношения Порядка (эволюционного становления) и Хаоса (революции, гражданские войны, распад и т. п.); 2) возможно полное разрушение устоявшихся государственных структур или их длительное пребывание в перманентном хаосе; 3) люди (в лице обычных индивидов, части правящей элиты и т. д.) устают от постоянного хаоса; 4) начинают искать выход путем либо приглашения иностранной правящей элиты («призвание» на Русь «варяга» Рюрика с дружиной), либо изгнания иностранцев и воспроизводства прежнего (традиционного) социального порядка (Смутное время в России начала XVII в.); 5) хаос и порядок как состояния социума сами по себе не могут продолжаться бесконечно.

Теоретическое осмысление указанных эмпирических свойств произошло в рамках возникших в XX в. междисциплинарных направлений — системного подхода и синергетики. Первый дал основных субъектов взаимодействия: равновесные (упорядоченные) и не равновесные (неустойчивые) системы. Вторая — описание их взаимодействия. Схема протекающей здесь динамики процесса самоорганизации может

быть резюмирована следующим образом: «Под действием внешних возмущений или из-за случайных отклонений (флуктуаций) система переходит в неустойчивое состояние, в результате чего возникает порядок на уровне макросостояний, т. е. система приобретает новую структуру, новый облик, отличающийся устойчивостью. Это может найти воплощение в объединении элементов, образовании новых связей или трансформации, перерождении элементов, а значит, приобретении ими новых свойств» [15, с. 24]. Другими словами, равновесная система (становление которой предсказуемо на базе знания законов) переходит в неравновесное состояние (где с помощью знания начальных условий нельзя вычислить ее дальнейшее развитие). Она отклоняется от известных параметров, впадает в хаотическое состояние. Последнее не может длиться бесконечно. Возникает переходное от хаоса к порядку, от неравновесной к равновесной системе положение — точка бифуркации. Она содержит ряд (не менее двух, но может и больше) вариантов дальнейшей эволюции системы. Как отмечает Ю. В. Сачков, «в точках бифуркации наблюдается своего рода «царство случайности» [21, с. 90]. Возможно, это лишь преувеличение, но очевидно, что в точке бифуркации роль случайностей (флуктуаций) как фактора отбора «варианта порядка» возрастает.

Впрочем, развитие самоорганизации имеет свою фундаментальную «закономерность»: такая ситуация неопределенности (многовариантности), которая складывается в «точке бифуркации», не может длиться вечно. Рано или поздно (по меркам наблюдателя) под влиянием случайностей (флуктуаций) система выберет один из возможных вариантов дальнейшего развития, который станет основой последующего порядка (равновесия). Следовательно, в рамках синергетики складывается следующая схема самоорганизации. Любая равновесная система стремится перейти в свою противоположность, неравновесие, а оно через точку бифуркации возвращается к равновесию.

Позитивно, что модель самоорганизации говорит об ограниченности самого общества, его возможностей по преобразованию действительности. Как отмечает Д. Урри, «нельзя исключать бифуркации с катастрофическим крахом человеческого общества в случае прохождения одного из переломных моментов» [25, с. 69].

Концепция самоорганизации ставит предел возможности «устойчивого развития общества», под которым понимается такое его становление, когда «происходящие преобразования в нем и внешние возмущающиеся воздействия не нарушают выполнение обществом основной его функции — сохранение и обогащение уровня и образа жизни членов общества» [22, с. 130]. Через определенные периоды времени «устойчивая» (равновесная) динамика неизбежно сменяется состоянием хаоса, неустойчивости, при которой «уровень жизни» падает.

Серьезным минусом модели самоорганизации как объяснительной схемы в социальном познании была абсолютизация ей развития любых систем (включая социальные) от Хаоса к Порядку обязательно через многовариантную точку бифуркации. Как заявлял И. Пригожин, «в том мире, в котором мы живем, флуктуации, бифуркации и неустойчивости встречаются на всех уровнях. *Устойчивые системы, порождающие определенность, соответствуют только идеализациям* (курсив мой — *В. Н.*)...» [20, с. 53]. Эта схема динамики была для отдельного общества позитивной далеко не всегда. Так, некоторые социальные субъекты приходят к ситуации, в которой «удержать» их единство сложно. Количество накопленных противоречий, порожденный ими хаос, ведет в «точке бифуркации» к краху данное государство (судьба СССР, СФРЮ в 1991 г.), а не к новому порядку.

Самоорганизации ставит пределы и сам социум. Например, экономические кризисы, подобные Великой депрессии 1929—1933 гг., нельзя преодолеть без государственного вмешательства. Получается, что выход из некоторых «точек бифуркации» может быть осознанным, планируемым, а не только зависимым от флуктуаций.

В результате концепция самоорганизации имела многочисленные эмпирические подтверждения в социальной динамике, предложила схему перехода от «равновесных» к «неравновесным» социальным системам. Однако объяснить почему именно в обществе «порядок» возникает из «хаоса», что происходит с нереализованными в точке бифуркации вариантами становления системы не смогла. В плане гносеологии концепция самоорганизации (опираясь на системный подход и синергетику) стала определенной моделью социальной динамики.

### Модель цикла фазовых переходов «рождение — жизнь — гибель»

Еще одной интересной моделью, порожденной неклассической наукой, выступает известный природно-социальный цикл,

сводящийся к описанию динамики объекта как состоящей из фаз появления, становления, аннигиляции. Во-первых, он в методологическом плане избегает линейности, свойственной классической науке. Недаром в некоторых версиях (особенно у О. Шпенглера) такой подход — основа критики любых теорий общественного прогресса. Во-вторых, заменяет жесткое понятие «закона» закономерностью, повторяемостью. В-третьих, такой цикл легко эмпирически фиксируем в физическом, биологическом, социальном мирах. В-четвертых, подобное объяснение социальной динамики открывает широкий простор для использования аналогий между природными (физико-биологическими) и социальными системами. В-пятых, происходит как бы снятие в данном цикле процесса (механизма) самоорганизации, ибо фазы появление — становление — гибель объекта воспроизводятся спонтанно, произвольно, сами собой, без внешнего вмешательства. В-шестых, подобным путем удается избегать свойственного порожденным классической наукой социальным теориям монизма (объявляющего один из факторов общественной жизни главным: например, экономики в марксизме). При таком подходе выбирать «доминирующий» параметр не надо, самоорганизующийся механизм «снимает» эту проблему. В-седьмых, при желании ученого цикл «рождение — жизнь — гибель» сочетается и с механизмом «вызов — ответ» А. Тойнби. Фаза «становления» какого-либо объекта и длится до тех пор, пока он может давать «ответы» на внешние «вызовы». Отсюда и «культуры» у О. Шпенглера, и «локальные цивилизации» (у Ф. Бэгби), и цивилизации (А. Тойнби, С. Хантингтон) имеют динамику, описываемую циклом «рождение — жизнь — гибель».

В плане истории становления данной методологической стратегии интересно, что она формировалась как движение от конкретного к абстрактному. Сначала специалист находил требуемую аналогию, а затем она переносилась на социум. Так, уже в XI в. арабский ученый аль-Мавради уподоблял государство плоду, который «вначале тверд на ощупь и горек на вкус, затем вызревает и делается нежным и съедобным, чтобы в конце концов загнить...» [Цит. по: 13, с. 64]. В XX в. О. Шпенглер, утверждает, что любая великая культура «проходит возрастные ступени отдельного человека. У каждой (культуры — *В. Н.*) есть свое детство, <...> юность, <...> возмужалость и старость» [30, с. 265]. Здесь уже цикл «рождение — жизнь — гибель» из персонального становится общесоциальным.

В плане развития неклассической методологии социального познания интересна и другая тенденция. В одних концепциях (О. Шпенглер, А. Тойнби), возникших под влиянием неклассической науки, цикл «рождение — жизнь — гибель» служил обоснованием тезиса об отсутствии законов в истории и социальной динамике. (Утверждение спорно: по сути, указанный цикл выступает, как минимум, закономерностью). В других теориях (например, «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского), появившихся в рамках классической науки, дело обстояло противоположным образом. Здесь законы социальной динамики, наоборот, выделялись. Хотя Н. Я. Данилевский полагал, что КИТы и составляющие их народы «нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют и умирают» [8, с. 74]. Значит, методологическая стратегия трактовки общественной динамики на базе цикла «рождение — существование — гибель» одинаково успешно может работать в рамках классической и неклассической науки. Однако в неклассическое социальное познание она включается значительно лучше.

Подведем итог. Цикл фазовых переходов «рождение — жизнь — гибель» как объяснительная стратегия в социальных науках имел определенные особенности. Выступал очевидной, легко эмпирически проверяемой моделью познания, объединял для исследования физический, биологический и социальный миры, выявляя общую закономерность общественной динамики, не являющуюся законом, выводил исследователей за пределы монизма и линейности, свойственных социальному познанию, порожденному классической наукой. Наконец, в данный цикл как объяснительную стратегию удобно включались иные неклассические теоретические конструкции: «вызов — ответ», самоорганизация.

Отмечу и недостатки подобного методологического подхода. Это разрыв преемственности различных фаз социального развития, фрагментарность описываемых ситуаций, отсутствие универсальных критериев классификации обществ и стадий истории, редукция динамики одного объекта к другому, частое (и не совсем корректное) использование аналогий как средства социального познания, упрощенные трактовки становления общества.

### «Зонная модель» в социальном познании

«Зонная модель», предполагающая рассмотрение социальной динамики в зависимости от нахождения объекта в некоторой части выделяемой на абстрактном уровне системы, — тоже результат развития неклассической науки применительно к исследованию общества. Данную модель наиболее всесторонне использовали в рамках миросистемного анализа.

Мир-системный (миросистемный) анализ — междисциплинарное направление, возникшее в социальном познании второй половины XX в. Оно связано с именами Ф. Броделя, И. Валлерстайна и других ученых. Сразу следует отметить попытки включения миросистемным анализом предшествующих методологических подходов. Во-первых, системного анализа. Конструирование рассматриваемых объектов как особых миров-систем (миров-экономик у Ф. Броделя), не сводимых к отдельным государствам, обладающих специфическими универсальными свойствами по сравнению с входящими в них элементами. На базе системного подхода давалось определение базовому понятию: миросистема — «некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в тоже время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам» [4, с. 85].

Во-вторых, цикла «рождение — жизнь — гибель». По мнению И. Валлерстайна, «сердце системы бьется в такт циклическим ритмам этих (миросистемных — *В. Н.*) структур» [4, с. 208]. Миросистеме предстоит возникнуть, существовать какой-то период, разрушиться. Со второй половины XX в. к упадку идет современная миросистема: капиталистическая мироэкономика [4, с. 210].

В-третьих, в миросистемном анализе активно используются идеи о самоорганизации (именно таким способом и формируются миросистемы), точках бифуркации и неизбежных кризисах системы [4, с. 209].

В-четвертых, механизм «вызов — ответ», ибо миросистема — способ преодоления внутренних трудностей входящих в нее государств.

В-пятых, в методологическом плане миросистемный подход тяготел к «единодисциплинарности» [4, с. 90], т. е. включению в себя средств познания используемых наук до состояния утраты ими исходных дисциплинарных свойств. Фактически речь шла об универсальной методологии социального познания, порожденной данным подходом, распространяемой в любые социальные науки, что шло в русле неклассики.

На подобной методологической основе формируется модель социального пространства как ряда «зон». Главная из них — центр миросистемы («мира-экономики»). Здесь высокий уровень жизни, потребления и т. д. Затем идет «срединная зона», которая расположена вокруг центра. Ее окружают промежуточные зоны. Наконец, «следует весьма обширная периферия, которая в разделении труда, характеризующим мир-экономику, оказывается не участницей, а подчиненной и зависимой территорией. В таких зонах жизнь людей напоминает Чистилище или даже Ад» [2, с. 87]. Получается, что мир-экономика — совокупность некоторых «зон», уровень жизни в каждой из которых ниже предыдущей. Подобно тому, как в Солнечной системе по мере удаления от главного «светила» температура на планетах понижается. Однако данные зоны — еще и элементы общей системы, которые подпитывают друг друга в этой своеобразной социальной «пищевой цепочке». Из периферии ради центра изымаются почти все ресурсы, из промежуточных зон — больше, чем из «срединной», но меньше, чем с периферии. В итоге «"системность" миросистемы олицетворяется взаимодействием "ядра" и "периферии"» [29, с. 96].

Однако данная схема остается достаточно абстрактной. Для ее конкретизации центр мир-экономики связывают с определенным доминирующим городом. Данные населенные пункты борются между собой за роль центра и один из них побеждает. Возникает своеобразная «эстафета», нацеленная на передачу лидерства, т. е. фактически имеет место возвращение к линейности, свойственной классической науке. Однако на этом свойстве сходство с классикой завершается. Какой город станет главным — заранее сказать нельзя. Как указывает Ф. Бродель, во всемирной истории «бывает, что какой-либо город вдруг вырывается вперед других, хотя в собственной его судьбе *ничто этого не предвещало* (курсив мой — *В. Н.*)» [3, с. 160].

Модель Ф. Броделя усовершенствовал Ж. Аттали (причем без формальной ссылки на миросистемный анализ). У него (для объяснения генезиса рыночного уклада) фигурируют три элемента (с такими же, как у Ф. Броделя свойствами): центр — середина — периферия [1, с. 51]. «Эстафету» передают друг другу девять городов (от Брюгге 1200—1350 г. до Лос-Анджелеса с 1980 г.,

чья «смена» тоже обязательно наступит) [1, с. 52].

В некоторых случаях зонная модель упрощается до двух элементов: «центра» («ядра») и «периферии». Так, Г. А. Явлинский называет российский капитализм конца XX в. «периферийным» по отношению к ядру «современного капитализма — экономики развитой части мира» [31, с. 36]. Для Ф. Фукуямы в 1989 г. народы, живущие в состоянии истории, — фактически периферия по отношению к людям Западных стран, находящимся в состоянии постистории [26, с. 310]. Причем «большая часть третьего мира будет оставаться на *задворках истории* (курсив мой — *В. Н.*)» [26, с. 306] и в будущем.

Короче говоря, вариантов проявления «зонной модели» в социальном познании довольно много. В одних случаях зон четыре, в других — три, а чаще всего — две. Главное же заключается в том, что сохраняется их дифференциация, усиливающаяся в худшую сторону по мере удаления от центра.

Позитивность «зонной» модели видится в четкой демонстрации ей дифференциации существующих социумов на международном уровне и положения дел в конкретном обществе. Достаточно сказать, что некое государство относится к периферии, чтобы указать на причину его «отсталости» от иных социумов и внутренних проблем. Кроме того, зонная модель фиксирует сложившуюся иерархию обществ (кто-то в ядре, кто-то — в срединной части и т. д.). Демонстрирует определенную закономерность (чем дальше от ядра, тем уровень жизни людей хуже), отодвигает на второй план государственность (любая страна может перейти из «высокой» зоны в более «низкую»), повышает роль городов-центров в миросистеме (как символов ее трансформаций — с одной стороны и их катализатора, накопителя богатств и технологий — с другой), объясняет однонаправленное движение ресурсов в системе (от периферии к ядру), источник усиления «ядра» миросистемы.

Укажем и недостатки модели. Презентизм: фиксация нынешнего положения дел. Не показаны возможности выхода из него, к чему стремились некоторые порожденные классической наукой социальные учения (например, марксизм). Абсолютизация связей в системе «ядро — периферия» и игнорирование их обратного влияния. Учет преимущественно материально-технических факторов, придание гораздо меньшего статуса духовным. Редукция эстафеты миросистем исключительно к отдельным городам-центрам, игнорирование их складывающейся системы.

**Заключение**

1. Рассмотренные в данной работе модели неклассической методологии социального познания — не единственные, но довольно распространенные.
2. Каждая модель сохраняет ряд преемственных элементов с иными теоретическими конструкциями. Наиболее интересным в этом плане выглядит миросистемный подход.
3. Благодаря развитию синергетики и системного подхода значительный эвристический потенциал сохраняется у модели самоорганизации. Она может способствовать решению различных познавательных задач — от объяснения конкретных эпизодов прошлого (причин выхода Московской Руси из Смуты начала XVII в.) до моделирования потенциальных вариантов исторического процесса в рамках обыденного и научного познания [17]. В то же время надо помнить и об ограниченности данной модели, несмотря на популярность синергетики как ее методологической основы [16].
4. Модель «вызов — ответ» требует дальнейшего методологического совершенствования. Она обладает определенным объяснительным потенциалом (при надлежащей разработке категориального аппарата). В тоже время до завершенного состояния данной модели еще далеко.
5. Любая теория в рамках неклассической социальной науки (в зависимости от специфики объекта) может включать в разных сочетаниях, комбинировать с рассмотренными ранее моделями, отраженными в них методологическими стратегиями.
6. Неклассические модели в социальном познании не отбрасывают классические полностью. В частности, иногда допускают линейное развитие социальных систем. Скажем, передачу в процессе эволюции миросистемы исторической эстафеты лидерства от одного города-центра к другому.

---

1. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб. : Питер, 2014. 288 с.

2. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск : Полиграмма, 1993. 127 с.

3. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М. : Изд-во Сабашниковых, 1994. 406 с.

4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2018. 304 с.

5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : Мишель и К°», 1993. 330 с.

6. Гумплович Л. Национализм и интернационализм в XIX веке. СПб. : Тип. Люндорф и К°, 1906. 48 с.

7. Гумплович Л. Основы социологии. М. : ЛЕНАНД, 2017. 366 с.

8. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М. : Книга, 1991. 514 с.

9. Иллюстрированная история СССР. М. : Мысль, 1987. 509 с.

10. История философии в кратком изложении. М. : Мысль, 1991. 590 с.

11. Круглый стол «Риск исторического выбора в России» // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 3—26.

12. Лебедев С. А. Философия науки : термин. слов. М. : Академ. проект, 2011. 269 с.

13. Логинов А. В. Теория циклов в политических учениях IV —начала XIX века // Экономическая история. 2012. № 3 (18). С. 62—71.

14. Макиавелли Н. История Флоренции. Л. : Наука, 1973. 440 с.

15. Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М. : Экономика, 1999. 251 с.

16. Нехамкин В. А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы // История. 2015. № 7 (40). С. 11. URL: http://history.jes.su/issue.2015.3.7.7-40 (дата обращения: 28.06. 2020).

17. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для ученого // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 336—352.

18. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М. : Наука, 1999. 270 с.

19. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М. : Высш. шк., 1993. 736 с.

20. Пригожин И. Конец определенности: время, хаос и новые законы природы. М. ; Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2000. 208 с.

21. Сачков Ю. В. Конструктивная роль случая // Вопросы философии. 1988. № 5. С. 82—94.

22. Сачков Ю. В. Вероятностная революция в науке (Вероятность, случайность, независимость, иерархия). М. : Науч. мир, 1999. 144 с.

23. Се Повести Временных лет (Лаврентьевская летопись). Арзамас : Вузов. библ., 1993. 383 с.

24. Тойнби А. Постижение истории. М. : Прогресс, 1991. 730 с.

25. Урри Д. Как выглядит будущее? М. : Дело, 2019. 320 с.

26. Философия истории : антология. М. : Аспект-пресс, 1994. 351 с.

27. Философия науки : учеб. пособие для вузов / под ред. С. А. Лебедева. М. : Академ. проект : Трикста, 2004. 736 с.

28. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2016. 640 с.

29. Цыганков В. В. Миросистемный анализ: «твердое ядро» и «защитный пояс» // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20). С. 95—101.

30. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М. : Мысль, 1993. 666 с.

31. Явлинский Г. А. Периферийный капитализм : лекции об экономической системе России на рубеже XX—XXI веков. М. : Интеграл-Информ, 2003. 160 с.

## References

1. Attali Zh. (2014) Kratkaya istoriya budushchego. St. Petersburg, Piter, 288 p. [in Rus].

2. Brodel' F. (1993) Dinamika kapitalizma. Smolensk, Poligramma, 127 p. [in Rus].

3. Brodel' F. (1994) Chto takoe Franciya? Kn. 1. Prostranstvo i istoriya. Moscow, Izdatel'stvo Sabashnikovyh, 406 p. [in Rus].

4. Vallerstajn I. (2018) Mirosistemnyj analiz. Vvedenie. Moscow, URSS, LENAND, 304 p. [in Rus].

5. Gumilev L.N. (1993) Etnogenez i biosfera Zemli. Moscow, Mishel' i K°», 330 p. [in Rus].

6. Gumplovich L. (1906) Nacionalizm i internacionalizm v XIX veke. St. Petersburg, Tipogr. Lyundorf i K°, 48 p. [in Rus].

7. Gumplovich L. (2017) Osnovy sociologii. Moscow, LENAND, 366 p. [in Rus].

8. Danilevskij N.Ya. (1991) Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu. Moscow, Kniga, 514 p. [in Rus].

9. Illyustrirovannaya istoriya SSSR (1987). Moscow, Mysl', 509 p. [in Rus].

10. Istoriya filosofii v kratkom izlozhenii (1991). Moscow, Mysl', 590 p. [in Rus].

11. Kruglyj stol «Risk istoricheskogo vybora v Rossii» (1994) *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 3—26. [in Rus].

12. Lebedev S.A. (2011) Filosofiya nauki. Moscow, Akademicheskij proekt, 269 p. [in Rus].

13. Loginov A.V. (2012) *Ekonomicheskaya istoriya*, no. 3 (18), pp. 62 — 71.

14. Makiavelli N. (1973) Istoriya Florencii. Leningrad, Nauka, 440 p. [in Rus].

15. Mogilevskij V.D. (1999) Metodologiya sistem: verbal'nyj podhod. Moscow, Ekonomika, 251 p. [in Rus].

16. Nekhamkin V.A. (2015) *Istoriya*, 2015. no. 7 (40), p. 11. Available at: http://history.jes.su/issue.2015.3.7.7-40, accessed 28.06. 2020. [in Rus].

17. Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A (2018) *Dialog so vremenem*, no. 65, pp. 336—352. [in Rus].

18. Panarin A.S. (1999) Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviyah strategicheskoj nestabil'nosti. Moscow, Nauka, 270 p. [in Rus].

19. Platonov S.F. (1993) Lektsii po russkoj istorii. Moscow, Vysshaya Shkola, 736 p. [in Rus].

20. Prigozhin I. (2000) Konec opredelennosti: vremya, haos i novye zakony prirody. Moscow, Izhevsk, Regulyarnaya i haoticheskaya dinamika, 208 p. [in Rus].

21. Sachkov Yu.V.(1988) *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 82—94. [in Rus].

22. Sachkov Yu.V. (1999) Veroyatnostnaya revolyuciya v nauke (Veroyatnost', sluchajnost', ne-

zavisimost', ierarhiya). Moscow, Nauchnyj mir, 144 p. [in Rus].

23. Se Povesti Vremennyh let (Lavrent'evskaya letopis') (1993). Arzamas, Vuzovskaya biblioteka, 383 p. [in Rus].

24. Tojnbi A. (1991) Postizhenie istorii. Moscow, Progress, 730 p. [in Rus].

25. Urri D. (2019) Kak vyglyadit budushchee? Moscow, Delo, 320 p. [in Rus].

26. Filosofiya istorii. Antologiya (1994). Moscow, Aspekt-press, 351 p. [in Rus].

27. Filosofiya nauki (2004). Moscow, Akademicheskij proekt, Triksta, 736 p. [in Rus].

28. Hantington S. (2016) Stolknovenie civilizacij. Moscow, AST, 640 p. [in Rus].

29. Cygankov V.V. (2012) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 4 (20), pp. 95—101 [in Rus].

30. Shpengler O. (1993) Zakat Evropy. T. 1. Moscow, Mysl', 666 p. [in Rus].

31. Yavlinskij G.A. (2003) Periferijnyj kapitalizm. Lekcii ob ekonomicheskoj sisteme Rossii na rubezhe XX—XXI vekov. Moscow, Integral-Inform, 160 p. [in Rus].

**For citing**: Nekhamkin V.A. Non-classical models of social dynamics in social cognition of the 20th — early 21 centuries: results and development prospects // Socium i vlast'. 2020. № (83). P. 18—29. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-18-29.

**DOI: 10.22394/1996-0522-2020-3-18-29**

UDC 167.7

# NON-CLASSICAL MODELS OF SOCIAL DYNAMICS IN SOCIAL COGNITION OF THE 20TH — EARLY 21ST CENTURIES: RESULTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

***Valery A. Nekhamkin,***
Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 119602,
Moscow, ulitsa Nikulinskaya, 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

*Abstract*

**Introduction** The article is focused on theoretical and methodological analysis of a number of social dynamics models that appeared on the basis of non-classical science. They are "challenge — response", self-organization, a cycle of phase transitions "birth — life — death", and "zone model". The author reveals heuristic potential of each model, its strengths and weaknesses in the methodological aspect.

**The aim of the study** is to consider the models of social dynamics that appeared on the basis of non-classical science in social cognition, identify their methodological foundations; compare these theoretical constructs with each other, and to improve these structures in theoretical and methodological aspects.

**Methods** The following general scientific methods were used in the study: modeling, structural-functional, systemic and comparative analysis.

**The scientific novelty of the study**.
The author traces evolution of how the models under consideration have been forming in the framework of social cognition, and points out the epistemological foundations of their occurrence. In the "challenge-response" model, the author identifies its basic ideas and classifies the sources that generate historical "challenges" and the entities that form "answers" to them. The author specifies that the model of self-organization appeared long before the 20th century, but only thanks to the systematic approach and synergetics it acquires the necessary theoretical level. The author also points out positive aspects and limitations of the self-organization model in relation to social cognition. The author specifies the full structure of the "zone model" in social cognition, which includes the following elements: the center, the middle part, the intermediate space, and the periphery. Modifications of this model are shown in the framework of the world-system approach and other social theories.

**Results**. The study demonstrates that in relation to each model, empirical material was first accumulated, and only then it was theoretically generalized on the basis of non-classical science. It is shown that the main merit of the world-system analysis is creating a "zone" model of social dynamics. The author recognizes that the zone model to the maximum extent includes other theoretical constructions: "challenge - answer", self-organization, the cycle of phase transitions "birth - life - death". It is assumed that in the future, theoretical approaches in the humanities are more likely to include new methodological tools.

**Conclusions**. The author reveals continuity of intellectual instruments among various non-classical models of social dynamics, shows separate stages of the models evolution. It is stated that in the framework of the non-classical methodology of social cognition, there is a place for the approaches generated by classical science (for example, the assumption of linearity as a way of developing society).

*Key concepts*:
classical science,
non-classical science,
models of social dynamics,
non-classical models of social dynamics.